ИСТОРИЯ

АВИЛОВ Роман Сергеевич

канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток); главный библиотекарь Научной библиотеки ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: avilov-1987@mail.ru

«Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула¹ и Ялу²...» Экспедиция подполковника В. А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Часть 2

УДК 930:355/359.07

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/99-112

Статья посвящена истории русской рекогносцировочной экспедиции в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг., проведённой под начальством подполковника В. А. Орановского. Отряд был направлен для изучения пути от урочища Новокиевского до Порт-Артура с целью выяснения возможности переброски русских войск из Приамурского военного округа в Порт-Артур в случае начала войны кратчайшим путём через Корею, а также изучения потенциальных оборонительных позиций на Корейском полуострове.

Корея,
Маньчжурия,
Приамурский военный округ,
военное востоковедение,
разведка,
Русско-японская война
1904–1905 гг.,
Порт-Артур,
В. А. Орановский

Продолжая знакомить читателя с экспедицией подполковника В. А. Орановского, прошедшей в 1898–1899 гг. от урочища Новокиевского³ до Порт-Артура⁴ и обратно, следует отметить, что маршрут экспедиции пролегал по территории двух сопредельных Российской империи государств: Кореи и Китая⁵. В этой связи не только успешность, но и сама возможность проведения экспедиции во многом зависели от отношения властей этих государств и местного населения. Начальник экспедиции докладывал, что «Корейская администрация относилась к чинам экспедиции всегда чрезвычайно предупредительно, оказывая возможное содействие, тогда как китайская держала себя совершенно в стороне; она не делала никаких препятствий к производству работ, но вместе с тем и не оказала никакого содействия» (ОР РГБ⁶. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 961).

Проблем в общении с местным населением во время рекогносцировки тоже не возникало и «...ни в Корее, ни в Маньчжурии ни одной неприятности за все время командировки не произошло; если бывали случаи, что население встречало экспедицию недоверчиво, то зато расставались с хозяевами всюду дружными» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 960). Последнему во многом способствовало то, что русский отряд не проводил конфискаций и реквизиций, и не требовал от местного населения выполнения каких-либо «повинностей» в свою пользу. Чины экспедиции честно расплачивались «звонкою монетою» за все купленные у населения продукты, транспортные средства. Аналогичным

¹ В настоящее время р. Туманная, на большей части течения пограничная между КНР и КНДР, в низовьях – между КНДР и Российской Федерацией. В Российской империи использовалось множество близких по звучанию вариантов транслитерации её названия с китайского и корейского языков на русский: Тумень-ула, Тумынь-ула, Туманган и т. п.

² Пограничная река, определяющая в настоящее время юго-западную часть границы между КНР и КНДР. В Российской империи её название транслитерировалось на русский язык с китайского – как р. Ялу и с корейского – р. Амнокган. В настоящее время, соответственно, р. Ялуцзян или Амноккан.

Для цитирования:
Авилов Р. С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу...» Экспедиция подполковника В. А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Часть 2 // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 99–112. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/99-112

³ Современный пос. Краскино Приморского края.

⁴ В настоящее время г. Ляوشунь в КНР.

⁵ Следует отметить, что отсутствие карт существенно затрудняет соотнесение названий ряда географических объектов, упомянутых в отчёте, с современными.

⁶ Здесь и далее: ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

⁷ Все даты приведены по юлианскому календарю, т. е. по старому стилю.

⁸ 11 августа 1898 г. было Высочайше повелено Начальнику Квантунского полуострова присвоить права: гражданские – Военного губернатора, а военные – корпусного командира, с подчинением Приамурскому генерал-губернатору и Командующему войсками Приамурского военного округа, а 17 августа Начальником Квантунского полуострова и Командующим войсками на оном расположенными Николай II назначил генерал-майора Д. И. Субботича (ГАХК. Ед. хр. 1627. Л. 1). Впоследствии система управления Квантуном неоднократно корректировалась [6, с. 509–526; 10, с. 361–378].

⁹ Здесь и далее: ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

образом оплачивались услуги проводников и местного лекаря, когда понадобилась его помощь.

Единственный случай вооружённого столкновения с населением произошёл 24 января 1899 г.⁷ между Бидзево и Цзин-чжоу, т. е. уже на территории Квантунского полуострова, занятого русскими войсками, и, как констатировал В. А. Орановский, «случай этот не имеет никакого отношения к экспедиции, так как в отражении произведённого на наш пост нападения принимали участие войска Квантунского полуострова, а экспедиция прибыла на пост ко времени нападения совершенно случайно» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 960). Экспедиция действительно стала случайным свидетелем и невольным участником подавления одного из стихийных выступлений местного китайского населения против засилья иностранцев, которые начали набирать силу как раз зимой 1898 г. [5, с. 47–54], и разгорелись затем в полномасштабное Боксёрское восстание (подробнее см.: [1; 2; 3; 7; 9, с. 195–357; 11; 14; 15]), поддержанное на заключительной стадии китайской армией [5, с. 206–218; 13, с. 368–371].

На этом эпизоде, как совершенно неизвестном отечественным и зарубежным специалистам по восстанию Ихэтуаней и русской деятельности на Квантунском полуострове в 1898–1905 гг., следует остановиться подробнее, тем более что о случившемся подполковник В. А. Орановский доложил штабу Приамурского военного округа отдельным рапортом № 45 от 1 февраля 1899 г., копию которого также удалось обнаружить (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 965–976).

23 января 1899 г. экспедиция В. А. Орановского в составе поручика 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона Алексеева и топографа С. А. Обнорского, 6 казаков и 2 переводчиков, двигавшаяся из урочища Новокиевского в Порт-Артур, перешла севернее г. Бидзево через новую русско-китайскую «границу» и оказалась на Квантунском полуострове (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 965–966), контролируемом русскими войсками. Как полуостров, так и войска с августа 1898 г. находились под общим руководством Начальника Квантунского полуострова и Командующего войсками, на оном расположенными, с правами командира корпуса, а по гражданской части – военного губернатора генерал-майора Д. И. Субботича⁸ (ГАХК⁹. Ед. хр. 1627. Л. 1). В тот же день экспедиция прошла, не останавливаясь, через г. Бидзево и направилась далее по дороге к Талиенвану¹⁰. Около 4 часов пополудни того же дня, верстах¹¹ в десяти от Бидзево, отряд встретил поручика 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Куколевского в сопровождении одного казака, который при встрече остановился и сообщил В. А. Орановскому, что в деревне Людзядянь, через которую ему предстоит пройти «происходит народное возмущение, и что когда он проезжал через эту деревню то собравшаяся толпа загоразивала ему проезд и хватала за поводья его лошадь и лошадь казака; теперь он торопится в Бидзево доложить о случившемся подполковнику Куколь-Яснопольскому» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 965–966). О том, что в дер. Людзядяни стоит казачий пост, и сколько вёрст осталось до дер. Людзядяни, Орановский не знал, так как поручик Куколевский, очень торопясь, ему этого не сказал и «поехал на рысях в Бидзево». Поэтому он посчитал поручика офицером, проезжавшим из Талиенвана в Бидзево, и

при проезде через Людзядянь «наткнувшегося совершенно случайно на возмущение народа» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 965–966).

Сообщённые поручиком сведения объяснили начальнику экспедиции непонятную перемену в поведении населения, замеченную им после пересечения границы Квантунской области. «В Китайских пределах, – докладывал В. А. Орановский, – въезд мой в селение сопровождался обыкновенно сборищем народа, хотя весьма назойливого и любопытного, но не проявляющего никакого враждебного ко мне и моим спутникам отношения. По переходе же границы наших владений все это резко изменилось: подъезжая к селению у окраины её обыкновенно видна была толпа, которая с интересом следила за моим приближением, но по въезде в селение все эти люди скрывались в домах и лишь в щёлки дверей провожали меня своими взорами. Замеченные мною самим перемены и соображения Поручика Куколевского заставили меня быть несколько осторожнее и при дальнейшем следовании, по возможности, держаться всем в месте» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 966–967).

Пройдя в этот день ещё около 6 вёрст экспедиция в 5½ часов пополудни 23 января остановилась на ночлег в небольшом селении Людзятунь, расположенном несколько в стороне от дороги, имеющем всего 4 двора. «Враждебность, в отношении жителей ко мне, я не заметил, но поведение их показалось мне также несколько странным: так всю ночь на дворе, занимаемом мною находилось до 10 человек китайцев, которые так и не ложились спать, между ними происходили какие-то таинственные разговоры, прибывающие на двор сообщали прочим шёпотом какие-то новости, выслушиваемые прочими с большим интересом, разговоры смолкали при моем приближении или при приближении переводчика, являлись затруднения при покупке фуража, причем жители заявили что его совсем нет или назначали на него ни с чем несообразные цены. Тем не менее ночь прошла вполне спокойно» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 967–968).

24 января в 9 час. 20 мин. утра отряд выступил из дер. Людзятунь, причём по выходе на дорогу начальник экспедиции, к своему удивлению, «увидел на ней следы прошедшей пехоты и объяснил себе это явление тем, что, по докладе поручика Куколевского о случившемся народном возмущении, из Бидзево еще ночью был отправлен в Людзядянь отряд пехоты; встреченные после того вскоре два казака, везшие донесение в Бидзево, подтвердили это и от них я впервые узнал, что в Людзядяни стоит пост нашей летучей почты в 8 человек казаков и что 23 вечером, в 10 час., туда пришли из Бидзево 50 стрелков и 12 казаков» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 967–968). На вопрос Орановского о бунте населения казаки сообщили, что бунтовали вчера (23 января), а сегодня (24 января) всё спокойно. Однако при дальнейшем следовании, возбуждение в народе стало резко бросаться в глаза. «При проезде селения народ держал себя так-же как и накануне, т. е. издали следя за мною, жители при приближении прятались по фанзам, так что селения казались пустыми; все время были заметны отдельные группы иногда в два, три и до десяти человек, а иногда человек 30, преимущественно вооруженных, которые, проходя без дорог, пересекали наш путь следования и направлялись к югу, к морскому берегу; при проезде мимо одной из гостиниц над ее крышей было выставлено треугольное красное знамя с какими-то надписями, во

¹⁰ Талиен-ван – порт на Ляодунском полуострове, переименованный вскоре после описанных событий русскими арендаторами полуострова в г. Дальний. В настоящее время г. Далянь в КНР.

¹¹ 1 верста = 1066,8 м.

¹² Фамилия этого человека упоминается в отчёте об экспедиции в двух вариантах написания: «Тадц» и «Тауц», что, вероятно, является следствием ошибки переписчика. Установить личность этого пристава пока не удалось (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 971–975).

дворе гостиницы было много народа и к ней стекался народ с оружием. Отойдя версту от гостиницы я увидел, как большая толпа народа предшествуемая красным знаменем, двинулась из гостиницы к югу к морскому берегу» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 968–969). Обстановка, особенно при явном недостатке информации о происходящем, становилась достаточно нервная.

24 января в 11½ часов дня отряд прибыл на пост Людзядьян и, так как от встреченных казаков В. А. Орановский уже знал о пребывании офицеров на этом посту, то предполагал остановиться там на полчаса, повидаться с ними, расспросить о новостях и о переменах, случившихся за время его почти 4-месячного путешествия (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 970). На посту он застал капитана 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Л. И. Богословского, прибывшего из Бидзево накануне в 10 час. вечера, с 50 стрелками его роты, хорунжего 1-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска Ляскова с 12 казаками, пристава Тадца¹², в распоряжении которого было 5 казаков и поручика 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Куколевского, исполнявшего обязанности сборщика податей. Кроме того, В. А. Орановскому тут же сообщили, что за час до его прибытия с поста уехал в Талиенван подполковник Н. С. Куколь-Яснопольский (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 971).

«Настроение на посту было самое спокойное и о возможности нападения не было произнесено ни одного слова; сведения о происходящих сборищах народа было впервые сообщено мною. Офицеры находившиеся на посту пригласили меня обедать, на что я согласился с тем, чтобы по его окончании сейчас же ехать дальше, но лишь только обед был подан, примерно в 12½ часов дня, вбегает дневальный и докладывает, что китайцы идут на пост. Я сейчас же выскочил без оружия за ворота поста и увидел, к востоку примерно в версте от поста на высотах большую толпу народа; вследствие большого расстояния нельзя было рассмотреть с оружием она или нет, да и вообще намерения ее были не известны, но дневальный поспешил доложить, что на пост идет не та толпа, которая видна вдали, а другая которая с оружием и знаменами спустилась в ложбину шагах в 600 от поста и теперь не видна. Я побежал обратно на пост захватить оружие и приказать находящимся в моем распоряжении шести казакам приготовить лошадей; одновременно с тем и прочие офицеры находившиеся на посту приказали своим людям приготовиться. После того, как я вторично выбежал из ворот поста я увидел на ближайшем гребне высот длинную линию китайцев, которая занимала по фронту примерно шагов 600–800; число китайцев в этой линии было мною определено человек в 400. Все были вооружены, одни имели ружья, другие пистолеты, шашки, кинжалы, пики, были два больших фальконета, несомые каждый двумя китайцами, три знамени. Эта длинная линия китайцев продвигалась по гребню высот флангом к посту, но когда середина ее поравнялась с постом, то она повернулась фронтом к посту и начала надвигаться на нас. На посту стрелки изготовились весьма быстро и построились развернутым фронтом впереди него; из прочих людей первыми вскочили на лошадей Пристав Тауц и в сопровождении переводчика и пяти находящихся в его распоряжении казаков поскакал навстречу наступающим китайцам, имея намерение переговорить с возмущившимся народом, но когда он подъехал к китайцам на близ-

кое расстояние они открыли по ним частый огонь, после чего Пристав приказал сопровождавшим его казакам стрелять, что те и исполнили, отъехав несколько назад и в сторону, так что они очутились впереди первого¹³ фланга всей линии китайцев. Хорунжий Лясков с 12 казаками его взвода по мере того, как успевали садиться на лошадь, присоединялись к группе казаков около Пристава и также открывали огонь, не слезая с лошадей, так что на этом фланге началась беспорядочная ружейная трескотня, причем было выпущено за период времени не более ½ минуты 240 патронов. Стрельба была исключительно с коня. Я счел необходимым прекратить этот огонь, с каковою целью поскакал с находившимися в моем распоряжении 6 казаками Читинского полка¹⁴ к стрелявшим казакам, приказал прекратить огонь и немедленно идти в атаку, что и было выполнено. Китайцы не выдержали атаки и кинулись бежать, но многие из них настигнуты казаками и изрублены. Пехота выстроившись впереди поста наступала шагом, развернутым фронтом на середину линии китайцев, не произведя ни одного выстрела. Потери китайцев определить очень трудно, так как тела были разбросаны на большое пространство и никто их не считал; большинство убитых было изрублено шашками, хотя я видел человек 5–6 убитых и раненых пулями. Те китайцы, которые принимали участие в нападении и были доставляемы на пост невредимыми, по распоряжению Пристава наказывались плетью и отпускались домой. Большинство китайцев в беспорядочном бегстве побросали свои знамена и оружие; три знамени и часть оружия были доставлены казаками на пост» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 971–975).

Поскольку на знаменах имелись надписи, разобрать которые В. А. Орановский, не знавший китайского языка, не мог, то он забрал все 3 знамени с собой, и затем представил командованию вместе с рапортом «в том соображении, что надписи эти, может быть, будут полезны при разяснении причин, вызвавших вооруженное нападение на пост» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 975–976).

В течение остальной части дня и ночи дальнейших попыток к нападению произведено не было. На следующий день в 9 часов утра экспедиция уехала с поста Людзядянь в Талиенван. Причём начальник экспедиции пришёл к выводу, что это было какое-то локальное выступление, так как возбуждение в населении было заметно «еще верст за 10–15 за д. Людзядянь, но далее население было уже спокойно и за обычными своими занятиями» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 975–976).

С корейскими войсками отряду В. А. Орановского воевать не пришлось, однако информация об их состоянии была собрана достаточно любопытная. В районах, пройденных экспедицией, корейские войска дислоцировались в следующих пунктах: в г. Пакчене батальон в составе около 500 чел., в г. Самсу¹⁵, с. Унченпо и Мусане¹⁶ по 50 человек и в г. Хайенге 100 чел. «Одеты люди однообразно, в темно синюю куртку и такие же шаровары с красным лампасом; на голове нечто вроде войлочной каски с красной лентой вокруг тульи, а у фельдфебелей и унтер-офицеров кепи, которое однако весьма плохо помещается на шишку волос. Вооружение состоит из ружья со штыком; ружья разнообразных систем, есть заряжающиеся с дула и заряжающиеся с казны; те люди, которые вооружены ружьями заряжающимися с казны, снабжены патронташами в виде поясов с гнездами

¹³ Видимо, правого фланга.

¹⁴ 1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска.

¹⁵ В настоящее время населённый пункт Самсу в КНДР.

¹⁶ В настоящее время г. Мусан в КНДР.

¹⁷ В настоящее время населенный пункт Кёнсон в КНДР.

для патронов, которые постоянно при себе и носят» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 863–864). Начальник экспедиции с удивлением обнаружил, что обучение нижних чинов всё ещё велось на основании правил, преподаваемых русскими инструкторами, командированными в Корею в 1896 г. (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 864) [подробнее об этом см.: 4, с. 42–43; 8, с. 145–161]. Все ружейные приёмы и ломка фронта делались по русскому уставу, а команды произносились на русском языке. Это было результатом специальных мер корейского правительства, которое после того, как русские инструкторы покинули в апреле 1898 г. Корею, отправило в города, где экспедиция встретила войска, по несколько обучавшихся ими рядовых при офицерах и унтер-офицерах и дополнило комплект рядовых из местных жителей; «в виду такой системы является прямо удивительным, – отмечал В. А. Орановский, – как, при неимении писанного устава могут подерживаться все приемы обучения и сохраниться русские команды. Мало того, корейское правительство не остановилось на образовании таким образом новых частей войск. При следовании экспедиции от Новокиевского к Порт-Артуру, в Кён-шенской¹⁷ губернии было расположено только 100 человек в г. Хайенге, а при обратном следовании, через пять месяцев, был уже образован новый отряд в 50 человек в г. Мусане, для чего из Хайенгской роты было командировано 5 рядовых при унтер-офицере и горнист и набрано 45 рядовых из местных жителей; ко времени обратного следования экспедиции, пришлось видеть учение этого вновь сформированного отряда и нельзя не признать, что, относительно стройности сомкнутого строя достигнуты весьма сносные результаты, а все приемы и передвижения совершались и здесь по русским командам. Факт этот указывает на удивительную способность корейцев перенимать внешние приемы воинского обучения, а также на чрезвычайно добросовестную работу, бывших в Корее, русских инструкторов. Но дальше внешних приемов обучения, военное дело в Корее не подвинулось: оружие в невозможном состоянии, употребление оружия совершенно не известно, боевые строи также, а по характеру своему корейцы такой миролюбивый и трусливый народ, что хорошими солдатами они быть не могут» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 864–867). На учения нижних чинов собирали ежедневно, но в казармах жило лишь около четверти гарнизона, причём поочередно, а остальные – по своим домам. «Общего котла» не существовало, и каждый солдат кормился на получаемое денежное содержания, которое составляло для рядовых 1800 чох в месяц, что в переводе на русские рубли того времени составляло 3 руб. 20 коп. (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 868).

Впрочем, поскольку с традиционно дружественной России Кореей воевать никто не собирался, а нападение этого государства на российский Дальний Восток было в принципе невозможно по причине не только добрососедских отношений, но и почти полного отсутствия в этой стране вооружённых сил и военной промышленности, командование Приамурского военного округа, а значит и экспедицию В. А. Орановского, куда больше интересовали пути сообщения на Корейском полуострове и обозрение пройденных местностей в военном отношении, а также условия движения отрядов войск от урочища Новокиевского до Порт-Артура. И то, и другое – на случай войны с Японией, высокая вероятность (если не неизбежность) которой зна-

чительной частью военного начальства в г. Хабаровске после ввода русских войск в Порт-Артур в 1898 г. под сомнение уже не ставилась.

В военном отношении исследованная экспедицией местность, представляла прежде всего интерес с точки зрения, возможно ли по ней движение войск из Приамурского военного округа на выручку Порт-Артура. После обобщения собранных экспедицией материалов стало очевидно, что из округа к Порт-Артуру были два главных направления движения: первое от урочища Новокиевское и г. Никольск-Уссурийский через Гири¹⁸, Мукден¹⁹ и Инкоу, второе – от урочища Новокиевское на Мусан, Самсу, Кангё²⁰ и Ичжу²¹. Первое из этих двух направлений составляло около 1500 вёрст, второе было значительно короче – 1242 версты, но зато по первому мог быть двинут отряд с полевой артиллерией и колёсным обозом, а по второму, «по свойству самой дороги, не допускающем колесного движения», при отряде могла быть только горная артиллерия и вьючный обоз. От урочища Новокиевское до г. Мусана, на протяжении 204½ вёрст колёсное движение было возможно, но затем от г. Мусана до г. Ичжу на протяжении 697 вёрст дорога была только вьючная, и далее от г. Ичжу до Порт-Артура – снова колёсная. «Таким образом, – резюмировал В. А. Орановский, – свойство дороги исключает возможность иметь при отряде колесный обоз» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 872–873).

Ещё одним чрезвычайно серьёзным препятствием для движения войск по второму направлению являлась «общая бедность населения, рассчитывающего количество своих посевов исключительно для прокормления собственной семьи, а отсутствие торговых центров, где были бы склады запасов», делало сбор продовольствия в высшей степени затруднительным. «Полное отсутствие коммерческого духа в характере населения является причиной того, что в большинстве случаев, даже при назначении очень высоких цен, можно ожидать со стороны населения отказ продавать какие бы то ни было запасы; это и понятно, потому что, если к весне, корейской семье не хватит зерна, то ей придется голодать, так как купить его негде» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 873–874). Поэтому сбор запасов в Корее, даже только для путевого довольствия войск являлся операцией очень трудной и продолжительной, а потому начинать её нужно было заблаговременно, до начала самого движения, а для получения лучших результатов необходимо было «заинтересовать в ее успехе членов корейской администрации» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 874–875).

«Таким образом, – гласил вывод отчёта об экспедиции, – условия движения войск из Новокиевского в Порт-Артур через Корею являются в высшей степени трудными, но в виду того, что никогда нельзя заранее предвидеть той стратегической обстановки, которая сложится в военное время, нельзя также с уверенностью сказать, что этим направлением не придется воспользоваться для движения войск. Одно то обстоятельство, что оно является значительно короче направления через Гири и Мукден, даст ему известные преимущества в том случае если будет необходимо спешно послать в Порт-Артур подкрепления, тем более, что при известной организации отряда, невыгодные свойства самого пути не окажут заметного влияния на быстроту движения» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 875).

¹⁸ В настоящее время г. Цилинь в одноимённой провинции КНР.

¹⁹ В настоящее время г. Шеньян в КНР.

²⁰ В настоящее время г. Кангё в провинции Чаган-до в КНДР.

²¹ В настоящее время населённый пункт Ыйджу в КНДР.

²² В настоящее время населённый пункт Хверён в КНДР.

²³ В настоящее время г. Кёнхын в КНДР.

²⁴ Этот путь экспедицией Орановского исследован не был.

²⁵ Имеется ввиду перевал через хребет, именуемый в настоящее время Чогюрён.

²⁶ В настоящее время населённый пункт Капсан в КНДР.

²⁷ В настоящее время населённый пункт Чанган в провинции Чанган-до в КНДР.

Поэтому, анализируя по возвращении в г. Хабаровск собранный экспедицией материал, подполковник В. А. Орановский подготовил несколько советов на последний случай, сформулировав «вкратце, в самых общих чертах» те условия, при которых явилась бы возможность двинуть войска по этому направлению. В первую очередь надлежало правильно организовать отряд, в состав которого должна была войти пехота с горной артиллерией и незначительным числом конницы. Полевую артиллерию следовало «безусловно» исключить, а большое число конницы являлось неудобным, «в виду затруднения продовольствовать лошадей». Вследствие необходимости устраивать переправы через реки Туманган, Тоненган, Амнокган в состав отряда должна была войти сапёрная команда. Обоз надлежало иметь исключительно вьючный. «Значительная численность отряда явится, конечно, большим затруднением в продовольственном отношении, но возможность, почти всюду, воспользоваться двумя или более параллельными дорогами отчасти парализует это неудобство», поскольку даст возможность свободного следования обоза за каждым отрядом по своей дороге (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 876–877). Из Новокиевского в Хориенг²² движение можно было организовать двумя или даже тремя колоннами пользуясь следующими дорогами:

1) Новокиевское, Хунчун, Кейцен, Хайенг и Хориенг (длина 150 верст);

2) Новокиевское, Кёнг-Хын²³, Уензан, Хориенг (121½ версты);

3) Новокиевское, Красносельская застава, Хориенг²⁴.

В действительности до Хориенга удобнее было совершить движение по кратчайшей из дорог через г. Кёнг-хын (при условии отсутствия при отряде повозок). Само движение совершить эшелонами каждый силой в 2 батальона. Местность здесь была сравнительно густонаселённой и необходимости «разбрасываться по кружным путям» не было (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 877–878).

От г. Хореинга до г. Мусана можно было двинуться уже тремя параллельными дорогами:

1) по берегу р. Туманган;

2) через перевалы Соколлён и Шецалён;

3) через перевалы Мусалён, Чарён и селение Сенчами.

Использование на этом участке трёх дорог признавалось необходимым, ввиду более редкого населения. От г. Мусана до с. Унчен-по лучше всего было двигаться по одной дороге – на перевал Чигирён²⁵, потому что даже разделение на колонны «в виду пустынной местности не даст возможности довольствовать войска местными средствами». От с. Унчен-по можно было снова разделиться на две колонны, направив одну на г. Самсу и Чанджин, а другую на г. Капсан²⁶ и Чанджин²⁷. От г. Чанджина до с. Савон на протяжении перехода в распоряжении войск был лишь один путь, но далее – до г. Кангё – опять два параллельных пути через перевалы Саранболе и Адыга. От г. Кангё до г. Ичжоу опять два пути, один придерживаясь течения р. Амнокгана, другой через г. Нимбен. Но эти пути между Ичжоу и Нимбеном «на столько далеко отстают друг от друга, что, при условии возможности появления противника на пути соединяющем эти два города, движение отдельной колонны от г. Кангё к г. Нимбену явится очень рискованным, а потому безопаснее будет воспользоваться одной лишь дорогой идущей параллельно течению реки Амнокгана» (ОР РГБ.

Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 878–879). Это направление было выгодно ещё и тем, что в случае занятия превосходными силами противника г. Ичжоу можно было переправиться через р. Амнокган где-нибудь выше по течению, например у г. Чан-де-хэкоу, и направиться прямо к г. Фын-хуан-чену²⁸, в обход г. Ичжу. Дальнейшее движение от берега р. Амнокгана к Порт-Артуру уже находилось «в полной зависимости от сложившейся стратегической обстановки» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 880–881).

«Все движение в пределах Кореи, это есть сплошное движение горными ущельями, представляющими узкие дефиле; развитие военных операций в более обширных размерах возможно только на Ляодунском полуострове, по переходе р. Амнокгана у г. Ичжу» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 881). Относительно безопасности этого движения со стороны противника считалось, что до г. Ичжу оно является «довольно безопасным», поскольку противник, который пожелал бы воспрепятствовать ему, должен был бы высадиться где-нибудь на берегу Кореи между бух. Гашкевича²⁹ и Гензаном³⁰ и затем перевалить через главный корейский хребет. Единственными колесными путями для движения от берега Японского моря вглубь страны тогда были пути от г. Кён-шена в города Хориенг и Мусан. Все прочие представляли собой лишь «трудные выючные тропинки». Поэтому выставлением заслона на этих поперечных путях примерно к г. Пурёнгу³¹ на время, пока войска, идущие из урочища Новокиевского в г. Ичжу, не минуют г. Мусана, «обеспечивается все движение с левого фланга, тем более, что местность способствует упорной обороне. Относительно прочих тропинок возможно ограничиться одним лишь наблюдением» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 882–883).

Совершенно в других условиях войска оказывались с приближением к г. Ичжу, который, находясь на лучшем пути, как от берега Японского моря (у Гензана), так и от г. Сеула на Ляодун, скорее всего, был бы занят противником в случае начала войны. Более того, было весьма вероятно, что через г. Ичжу будет даже проходить коммуникационная линия противника, оперирующего против Порт-Артура, поскольку тогда, в 1899 г., никто не мог даже предположить, что российское Министерство финансов построит специально для операций японских войск против Порт-Артура глубоководный порт Дальний, где можно будет выгружать с океанских транспортов сразу на берег не только войска со всем необходимым снаряжением, но и тяжёлую артиллерию для осады крепости, которую не придётся доставлять для этого кружным путём из корейских портов. «Есть полное вероятие предполагать, что противник встретит именно около Ичжу отряддвигающийся через Корею и в этом случае придется выбирать между двумя решениями: или прокладывать себе путь силой оружия, или переправившись через Амнокган выше г. Ичжу, искать соединения с войсками двинутыми из Приамурского военного Округа к Порт-Артуру через Маньчжурию» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 883–884).

Орановский сделал даже примерные подсчёты, сколько времени потребуется отряду, чтобы добраться от урочища Новокиевского до Порт-Артура: от Новокиевского до г. Кён-хына 2 перехода, от Кён-хына до г. Хореинга – 3, от Хореинга до Мусана – 4, от Мусана до Самсу и Капсана в Чанджин – 8, от Чанджина в Кангё – 4, от

²⁸ Или Фэнхуанчэн. В настоящее время г. Фынчэн в КНР.

²⁹ Бухтой Гашкевича в то время назывался нынешний зал. Чосанман на севере Корейского полуострова. В настоящее время – территория КНДР.

³⁰ В настоящее время город и порт Вонсан в КНДР.

³¹ В настоящее время населённый пункт Пурён в КНДР.

³² В настоящее время населенный пункт Чхосан в одноимённом уезде в КНДР.

³³ В настоящее время населенный пункт Пёктон в КНДР.

³⁴ В настоящее время населенный пункт Чхонсон в КНДР.

³⁵ В настоящее время населенный пункт Чхонсон в КНДР.

Кангё до Вивена – 4, от Вивена до Чхосана³² – 2, от Чхосана до Пектона³³ – 3, от Пектона до Чхан-Шена³⁴ – 3, от Чхан-Шена до Ичжу – 3. Всего от Новокиевского до г. Ичжу – 46 переходов, от 18 до 25 вёрст каждый. Если к этому прибавить на каждые 5 дней ходу по две днёвки, то, чтобы пройти расстояние от Новокиевского до Ичжу, требовалось 64 дня. Затем от Ичжу до Порт-Артура – 17 переходов, т. е. с днёвками – 23 дня. Всего на движение от Новокиевского до Порт-Артура должно было потребоваться 87 дней, в том числе 63 дня ходу и 24 днёвки. «Но это при самых нормальных условиях, т. е. считая средний переход в 20 верст и 2 дневки в неделю» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 885).

Относительно продовольствия войск во время движения, по мнению В. А. Орановского, всё-таки можно было рассчитывать «на сбор запасов у местного населения» на всём пути, за исключением участка от г. Мусана до Унчен-по длиной в 212 вёрст. Однако сбор продовольствия он признавал делом очень трудным, к которому следовало приступить заблаговременно, выслав недели за две или даже раньше, надёжных офицеров, которые «сумели бы войти в соглашение с начальниками округов и заручились их содействием; необходимо всегда помнить, что корейцы не коммерческая нация, а потому назначение высоких цен не принесет пользы; тем не менее продовольствие может обойтись весьма дорого, что будет зависеть не от цены на самый продукт, а от стоимости его перевозки к нужному пункту, которая обходится в Корее вообще довольно дорого, иногда до 2^х рублей в сутки за быка» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 885–886).

Правда, в этом случае войскам надлежало изменить способ питания как людей, так и лошадей, что считалось огромным неудобством. Альтернативный вариант В. А. Орановский признавал невозможным: «Понятно, что вести с собой на 87 дней пути сухари или муку войска не могут, потому что для этого потребовалось бы по одному животному на каждого нижнего чина, т. е. такой обоз, который не мог бы быть ни собран, ни проведен по этим местностям, бедным фуражом. Поэтому необходимо довольствоваться местными средствами, а между тем ни пшеница, ни рожь населением совершенно не сеются, тогда как они именно и составляют основную пищу нашего солдата. Приходится отрешиться от довольствия хлебом или сухарями, а перейти на довольствие принятое местным населением, т. е. на род проса, известный под названием чумизы: местное население варит чумизу на пару и без всяких приправ, причем получается рассыпчатая каша...» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 887–888).

Делая эти выводы, он опирался на опыт собственного отряда, поскольку подчинённые ему казаки питались всё время этой кашей, причём отдавали её варить корейцам, и ели с чаем. Она вполне заменяла им хлеб и не вызвала заболеваний, и одной небольшой мерки, «известной у корейцев под именем “мари” и равной нашим 1¼ гарнцам³⁵», было достаточно для довольствия в сутки 6 человек. Таким образом, на 100 человек требовалось около 17 «мари». Запасы этой чумизы население хранило в неочищенном виде, а потому необходимо было «заблаговременное распоряжение об очищении ее на местных мельницах-толкушах, которые, хотя работают медленно, но имеются почти в каждом семействе. Способ ее варки корейцами очень хорош, а потому наиболее удобным было бы поручить варить ее местно-

му населению и выдавать людям в холодном виде» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 888–889). В местностях, к западу от г. Кангё, где в изобилии рос рис, чумизу можно было заменить рисом. В то же время в безлюдных местностях между Мусаном и Капсаном или Самсу у населения можно найти «одни лишь запасы овса, но он не является столь вкусным и удобным для питания, как чумиза; способ его очистки для употребления в пищу сложнее и он скорее приедается, хотя для здоровья он также вреда не приносит. Мясо для довольствия войск может быть всюду найдено, так что гуртов гнать за собой войскам не придется, за исключением опять-таки местности между Мусаном и Капсаном или Самсу. Овощей пригодных для варки пищи нельзя будет собрать, потому что русской капусты население не разводит, а местная не годится, картофель-же разводится случайно и в очень небольшом количестве; затем можно иметь редьку, чеснок, лук, перец, но все это в небольшом количестве; было бы весьма желательно вести с собой сушеную капусту. Обязательно надо будет вести с войсками запас соли и запасы чая и сахара на весь путь» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 889–890).

Фуражное довольствие лошадей зависело от сезона и от возможности пользоваться по дороге подножным кормом. Сделать точные выводы относительно богатства подножных кормов в летнее время работавшей зимой экспедиции не удалось, однако в целом было «вынесено впечатление, что, за исключением немногих мест, подножного корма должно быть очень мало, а потому главным образом придется рассчитывать на довольствие сухим фуражом» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 891). Запасов сена у населения тоже совершенно не было, «потому что оно его не косит; вместо его употребляется чумизовая солома, которую лошади едят весьма охотно; но при корме этой соломой надо будет обязательно делать из нее резку, потому что иначе ее понадобится огромное количество, так как лошади съедают только верхушки, а остальную истаптывают; если-же устраивать резку, то лошади съедают все без остатка». Овёс можно было найти на всём пути от Новокиевского до г. Чанджина, но, начиная от г. Кангё, его не было совершенно, а значит, нужно было заменять его в рационе лошадей или просом, или кукурузой, или гаоляном в зависимости от того, что можно будет найти. Наиболее удачным временем в смысле сбора запасов, безусловно, являлась осень, а наименее выгодным – весна или раннее лето. «Но во всяком случае рассчитывать пользоваться местными средствами можно только в том случае, если сбор их будет организован заблаговременно» (ОР РГБ. Ф. 68. № 280. М. 6781. С. 892–893).

Впоследствии значительная часть этих рекомендации очень пригодились, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда русским войскам действительно пришлось достаточно продолжительное время действовать на территории Кореи, в полной мере испытыва на себе выявленные экспедицией трудности с продовольствием и отсутствием нормальных путей сообщения, существенно затруднявшим использование артиллерии. Характерно, что действовавшие в Корею во время войны русские отряды были вынуждены отказаться от всех предложенных В. А. Орановским кулинарных изысков и создать там хлебопекарни и грандиозные склады привычного продовольствия, значительная часть которого при последующем отступлении попала

в руки японцев, а также организовать подвоз фуража морем. Более того, из-за глупости командования были совершены многие ошибки, о которых предупреждал начальник экспедиции [12, с. 18–69], например, сделана попытка выступить в Корею по приказу генерал-лейтенанта Н. П. Линевича... с колёсным обозом, добравшимся в итоге только до Кёншена, и орудиями, поломанными на одном из перевалов, оси которых потом пришлось сваривать в походных условиях [12, с. 23–25]!

Таким образом, работавшая в 1898–1899 гг. экспедиция под руководством подполковника В. А. Орановского стала свидетелем первых народных выступлений на территории Китая, буквально через несколько месяцев вылившихся в Боксёрское восстание, и даже приняла невольное участие в защите русского поста от одного из отрядов. В ходе проведённых рекогносцировок удалось собрать ценные сведения (военные, географические, социально-экономические и др.) о местностях, ранее почти неизвестных «в военном отношении» не только Военному министерству, но и штабу Приамурского военного округа.

О качестве собранного материала и точности оценок начальника экспедиции ярче всего свидетельствует тот факт, что с подавляющим большинством проблем ведения боевых действий на территории Кореи, описанных им в отчёте, русские войска столкнулись уже через 5 лет во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Пришлось им побывать и во многих населённых пунктах, пройденных экспедицией: Кёншене, Хёриене, Мусане, Пуренге, Самсу и т. д. [12, с. 18–69].

Литература

1. Дацышен В. Г. Боксёрская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 336 с.
2. Дацышен В. Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.: Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. – СПб.: Галей Принт, 1996. 144 с.
3. Дацышен В. Г. Русско-китайская война 1900 г. Ч. 2. Поход на Пекин. – СПб.: Галей Принт, 1999. 160 с.
4. Добычина Е. В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. 213 с.
5. Калюжная Н. М. Восстание Ихэтуаней (1898–1901 гг.). – М.: Наука, 1978. 363 с.
6. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
7. Мышлаевский А. З. Военные действия в Китае в 1900–1901 гг. Ч. 1. Действия на Печилийском побережье, до взятия г. Тянь-Цзиня включительно. – СПб.: Типография «Бережливость», 1904. 433 с.
8. Павлов Д. Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2. С. 139–161.
9. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 511 с.
10. Ремнёв А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX веков: Монография. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
11. Рудаков А. В. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. По официальным китайским данным. – Владивосток: Паровая типо-литография Т-во Сущинский и Ко, 1901. 77 с.
12. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны: в 9 т. Т. 9. – СПб.: б. и., 1910. 227 с.
13. Чан Цзюн. Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–

1908. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. 575 с.

14. Lensen G. A. The Russo-Chinese war. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1967. 315 p.

15. The Boxer Rising: a history of a boxer trouble in China. Reprinted from the «Shanghai Mercury». 2nd ed. – Shanghai: Shanghai Mercury, 1901. 181 p.

Roman S. AVILOV

Ph. D. (in History), Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia); Chief Librarian, Research Library, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: avilov-1987@mail.ru

«To Investigate in Details the Way from Village Novokievskoye to Port-Arthur in Tumen and Yalu Valleys...» The Expedition of Lieutenant Colonel Vladimir A. Oranovskiy to Korea and Manchuria in 1898–1899. Part 2

UDC 930:355/359.07

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/99-112

This article examines the history of the unknown Russian reconnaissance expedition to Korea and Manchuria in 1898–1899, which had been realized under the command of Lieutenant colonel Vladimir A. Oranovskiy. In June 2017 the final expeditionary report was found in the Manuscripts Collection of the Russian State Library. This 976-page manuscript consists of five chapters, includes two appendices, regrettably, without maps, and embraces full information about the expedition. The detachment was sent to investigate the ways from village Novokievskoye to Port-Arthur, in order to explore if it was possible to redeploy the Russian forces from Priamurye Military District to Port-Arthur by the shortest path through the Northern part of Korea in case of war. Another goal was to investigate the Korean peninsula in military terms. The well-appointed expedition that traveled from Novokievskoye to Port-Arthur and backwards in winter, had gathered a lot of information, not only of military, but also of geographical and ethnographical value. This data was very useful 5 years later, during the Russo-Japanese War of 1904–1905.

Korea,
Manchuria,
Priamur Military
District,
military oriental studies,
military intelligence,
Russo-Japanese War of
1904–1905,
Port-Arthur,
Vladimir A. Oranovskiy

For citation: Avilov R. S. «To investigate in details the way from village Novokievskoye to Port-Arthur in Tumen and Yalu valleys...» The expedition of Lieutenant colonel Vladimir A. Oranovskiy to Korea and Manchuria in 1898–1899. Part 2 // Oriental Institute Journal. 2018. № 2. P. 99–112. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/99-112

References

1. Datsyshen V. G. Boksyorskaya vojna. Voennaya kampaniya russkoj armii i flota v Kitae v 1900–1901 gg. – Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2001. 336 s.

2. Datsyshen V. G. Russko-kitajskaya vojna. Man'chzhuriya 1900 g.: CH. 1. Boevye dejstviya na sukhoputnom fronte. – SPb.:

Galeya Print, 1996. 144 s.

3. Datsyshen V. G. Russko-kitajskaya vojna 1900 g. CH. 2. Pokhod na Pekin. – SPb.: Galeya Print, 1999. 160 s.

4. Dobychina E. V. Vneshnyaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1895–1904 gg. Dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2003. 213 s.

5. Kalyuzhnaya N. M. Vosstanie Ikhhehtuaney (1898–1901 gg.). – M.: Nauka, 1978. 363 s.
6. Lukoyanov I. V. «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX–nachale KHKH vv. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2008. 668 s.
7. Myshlaevskij A. Z. Voennye dejstviya v Kitae v 1900–1901 gg. CH. 1. Dejstviya na Pechilijskom poberezh'e, do vzyatiya g. Tyan'-TSzinya vklyuchitel'no. – SPb.: Tipografiya «Berezhlivost'», 1904. 433 s.
8. Pavlov D. B. Russkie voennye instruktory v Koree i Kitae v kontse XIX v. // Rossijskaya istoriya. 2016. № 2. S. 139–161.
9. Popov I. M. Rossiya i Kitaj: 300 let na grani vojny. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; ZAO NPP «Ermak», 2004. 511 s.
10. Remnyov A. V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX–nachala KHKH vekov: Monografiya. – Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2004. 552 s.
11. Rudakov A. V. Obshhestvo I-khehtuan' i ego znachenie v poslednikh sobyitiyakh na Dal'nem Vostoke. Po ofitsial'nym kitajskim dannym. – Vladivostok: Parovaya tipolitografiya T-vo Sushhinskij i Ko, 1901. 77 s.
12. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu russko-yaponskoj vojny: v 9 t. T. 9. – SPb.: b. i., 1910. 227 s.
13. CHan TSzyun. Imperatritsa TSysi. Nalozhnitsa, izmenivshaya sud'bu Kitaya. 1835–1908. – M.: ZAO Izdatel'stvo TSentrpoligraf, 2016. 575 s.
14. Lensen G. A. The Russo-Chinese war. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1967. 315 p.
15. The Boxer Rising: a history of a boxer trouble in China. Reprinted from the «Shanghai Mercury». 2nd ed. – Shanghai: Shanghai Mercury, 1901. 181 p.